

17. Foster, G. M. Moral Reconstruction: Christian Lobbyists and the Federal legislation of Morality, 1865–1920 / G. M. Foster. – Chapel Hill and London : The University of North Carolina Press, 2002. – 318 p.
18. Lambert, F. Religion in American Politics: A Short History / F. Lambert. – Princeton and Oxford : Princeton University Press, 2008. – 296 p.
19. McGarvie, M. D. Law and Religion in American History : Public Values and Private Conscience / M. D. McGarvie. – New York : Cambridge University Press, 2016. – 312 p.
20. Shalev, E. American Zion: The Old Testament as Political Text from the Revolution to the Civil War / E. Shalev. – New Haven and London : Yale University Press, 2013. – 239 p.
21. The Great Nation of Futurity (November 1839) // Greenberg A. S. Manifest Destiny and the American Territorial Expansion. A Brief History with Documents. – Boston, New York: Bedford / St. Martin's, 2012. – P. 78–79.
22. The Launching of the American Protestant Association Against the Catholic Church (November 22, 1842) // Documents of American Catholic History / Ed. by J.T. Ellis. – Lexington : Forgotten Books, 2012. – P. 263–265.
23. Weinberg, A. K. Manifest Destiny. A Study of Nationalist Expansionism in American History. – Chicago : Quadrangle Books, 1963. – 559 p.
24. Young, B. Discourses / B. Young // God's New Israel: Religious Interpretations of American Destiny. – Chapel Hill and London : The University of North Carolina Press, 1998. – P. 131–134.

ПРОСВЕЩЕННЫЙ АБСОЛЮТИЗМ В ПРУССИИ И АВСТРИИ (КОНЦЕПЦИИ РОССИЙСКОЙ НОВИСТИКИ НАЧАЛА XX ВЕКА)

Л.В. Ландина, г. Минск (Республика Беларусь)

В статье раскрыто осмысление политики просвещенного абсолютизма в российской дореволюционной исторической науке (В.И. Герье, Н.И. Кареев, П.П. Митрофанов), продемонстрирована связь концептуальных построений российских либералов-новистов с выводами западноевропейской, в частности, германской исторической науки. Особое внимание уделено трактовкам российскими историками мероприятий Фридриха II (1740–1786) и Иосифа II (1780–1790). Фридрих II, идеолог и создатель прусской государственности, успешно реформировал страну в русле просвещенного абсолютизма. В свою очередь, уникальным примером просвещенного монарха являлся император Священной Римской империи Иосиф II, «революционер на троне», реформы которого в общем потерпели поражение. Правление Иосифа II анализируется в работе П. П. Митрофанова, которая до сегодняшнего дня не только остается крупнейшим исследованием на русском языке, созданным по данной проблеме, но и является ярким примером дискурса российской дореволюционной новистики.

Ключевые слова: абсолютизм, просвещенный абсолютизм, австрийские Габсбурги, Фридрих II, Иосиф II, российская историография, новистика.

Просвещенный абсолютизм как знаковое явление раннего Нового времени и феномен эпохи Просвещения привлекал внимание и требовал рефлексии уже у своих современников. Оформившись в философии и правоведении, реализовавшись в практике управления, он к середине XIX в.

обрел свое место в исторической науке, и это было не случайно. В просвещенном абсолютизме наиболее ярко и масштабно отразились апогей и реформирование Старого порядка. В середине же XIX в. в Европе (за исключением Российской империи) абсолютных монархий не осталось, и наступило время осмысления уже ушедшего явления.

В современной историографии существует устоявшееся мнение о просвещенном абсолютизме как политике масштабного реформаторства, развернувшейся в последние полстолетия Старого порядка под влиянием идей Просвещения, когда, «отринув представления о божественном происхождении своей власти, монархи этого времени попытались дать ей рациональное обоснование и пришли к осознанию своего долга “служить общему благу”» [2, с. 105]. Эпоха Просвещения была временем формирования новой политической культуры, основанной на разуме и вере в силу совершенных законов, созданных просвещенным монархом. Процесс становления национальных светских государств требовал новых средств легитимизации власти, что нашло отражение в работах Вольфа, Гроция, Лейбница, Пуффендорфа, Монтескье [2, с. 110] (однако божественную санкцию верховной власти, никто не отменял, она сохранялась во всех слоях общества; возможно, самый яркий ее пример – царистское мировоззрение основной массы народа в России начала XX в. – Л.Л.). Сами понятия «общественного блага», общественного договора, фундаментальных законов, разделения властей и т. д. были в то время «политическим мейнстримом». [2, с. 115–119], и это совершенно не препятствовало стремлению просвещенных монархов сосредоточить всю власть в своих руках [2, с. 112].

Современное утверждение о том, что реформаторство данного периода было не вынужденной реакцией, как в предшествующие времена, а осознанной политикой по созданию новой реальности [2, с. 119], бесспорно, лестно для просвещенных монархов, но вызывает ряд вопросов. Например, каковы критерии «вынужденности» или «произвольности»? В чем, если сравнивать конечные результаты, а не обоснование, принципиальная разница между меркантилистской политикой XVII в. и экономическими мероприятиями просвещенных монархов? Насколько искренними были стремления правителей следовать философским принципам и по каким параметрам эти стремления оценить? Эти и ряд подобных вопросов четких ответов не имеют. Наконец, сама правомочность терминов «абсолютизм» и «просвещенный абсолютизм» не раз ставилась под сомнение, но и в данном вопросе на сегодняшний день превалируют пожелания, а не предложение адекватной терминологической замены [7, с. 703–713; 9, с. 69]. В целом же нужно отметить, что современная интерпретация просвещенного абсолютизма основывается преимущественно на правовом к нему подходе и в целом благожелательном отношении, что применимо как к самой политике, так и к ее представителям. Однако так было отнюдь не всегда, и советская трактовка просвещенного абсолютизма как социальной демагогии крепостнического государства, возможно, наиболее конфронтационна, но не уникальна.

В российской исторической науке термин «абсолютизм» впервые был применен медиевистом С. В. Ешевским (1829–1865) в лекционном курсе 1858/59 гг. при описании ранней империи в Риме, когда ослабленное в результате гражданских войн общество приняло власть Августа во имя мира и спокойствия. В интерпретации Ешевского абсолютизм был допустим на время, во имя высшей цели спасения общества. Однако, предупредил Ешевский, утративший необходимость, превратившийся в самоцель «абсолютизм губительно действует на все живое, смертельным недугом поражает все общество» [4, с. 125–126; 7, с. 37]. Абсолютизм, таким образом, есть необходимое зло, попрание свободы, главная его опасность – в перерождении во враждебную обществу реакционную силу. Эта либеральная интерпретация, естественная и в Западной Европе после революций 1848 г., и в России накануне «великих реформ», останется неизменной в российской дореволюционной историографии.

В это же время в российскую новистику вошло и понятие «просвещенный абсолютизм». Рассматривая социокультурную ситуацию начала реформ Александра II, нельзя не согласиться с российским исследователем политики просвещенного абсолютизма В. С. Антиповым. Либерализация, политика гласности, обоснование реформ в России закономерно вызвали интерес к опыту реформирования «сверху» в европейских странах. В свою очередь, переводы работ зарубежных историков предоставляли столь необходимый российским читателям нарративный материал [1, с. 36–37].

Термин «просвещенный абсолютизм» восходит к трудам немецких гегельянцев первой половины XIX в., считавших, что именно приверженность этой политике Фридриха II позволила Пруссии, в отличие от Франции, избежать революционных потрясений [2, с. 105]. Идеолог старой исторической школы экономики В. Рошер (1817–1894) работе «Наброски к естественному учению о трех формах государства» указывает на три стадии развития абсолютной монархии. Во-первых, это конфессиональный абсолютизм, при котором во главу угла ставились вероисповедные интересы и действовал принцип «Cuius regio, eius religio» – «Чья страна, того и религия». Следующим этапом в развитии абсолютизма стал придворный. Его лозунг – «L'État c'est moi!» – «Государство – это я!», а наивысшее воплощение – Людовик XIV. Наконец, просвещенный абсолютизм, представленный Помбалом и Арандой, Фридрихом II и Иосифом II выражается в идее «Le roi c'est le premier serviteur de l'état» – «Король есть первый слуга государства» [10, с. 451]. Далее Рошер делает важное замечание о том, что каждая последующая ступень абсолютизма усиливает власть, становящуюся все более неограниченной. Вероисповедный абсолютизм предполагает союз с духовной властью, что может подавлять светского властелина, придворный абсолютизм ограничивается окружением – дворянами, придворными, чиновниками. При просвещенном же абсолютизме *«первый слуга государства» может во имя него «гораздо охотнее присвоить достоинство и кровь народа, чем во имя своего собственного»* (курсив мой – Л. Л.)

[10, с. 451]. Этот примечательный вывод Рошера не оставляет почвы для просветительских (либеральных, демократических и т. д.) иллюзий относительно смягчения политического режима монарха, который может, разумеется, беседовать с философами, но не обязан реализовывать их идеи.

Более того, при просвещенном абсолютизме, как считает Рошер, для власти сняты все барьеры, управлению способствуют административные реформы, жесткая бюрократия, не обремененный формальностями ход государственной машины. Однако в этом таится и опасность. Пока во главе государства стоит человек масштаба Фридриха II, это может значительно способствовать укреплению государства. Однако при каждом менее способном преемнике потребность в гарантиях власти возрастает, и отлаженная государственная машина может быть разрушена одним мощным ударом, что доказывает свержение старой французской монархии в 1789 году [10, с. 451].

Каким образом теоретические выводы западноевропейской науки отражались на российской историографии? Можно уверенно говорить об их заимствовании и развитии – все российские историки-новисты были либералами, хоть и в разной степени. Несомненно и значительное влияние западноевропейского, в первую очередь германского научного нарратива на концептуальные построения российских историков. Так, оно очевидно у В. И. Герье (1837–1919), ученика С. М. Соловьева и одного из основателей «русской школы» всеобщей истории. Продолжением концептуального построения В. Рошера представляется тезис В. И. Герье о двух типах абсолютизма. При первом идея государя заслоняет собой идею государства, и монарх ищет опору личной власти в божественном установлении. Это монархия Людовика XIV, праздничная, разорительная для государства. Другой тип монархии – будничной, рабочей, подразумевает монарха как хозяина своего государства, трудящегося ему во благо, не отвергая идею божественного происхождения своей власти. Это монархия Фридриха-Вильгельма I [3, с. 107–108].

Постепенно среди монархии другого типа под влиянием просветительских идей формируется просвещенный абсолютизм, основанный на рациональных, этических началах. Монарх – это гражданин своего государства, призванный править во благо народа, а государство обязано заботиться о благосостоянии граждан. Главная разница между обоими типами монархии в том, что «просвещенный абсолютизм» не прибегает к теории божественного происхождения власти [3, с. 108–115; 7, с. 104].

Центральными фигурами просвещенного абсолютизма на Западе Герье считает Фридриха II и Иосифа II. Прусский монарх сочетал в себе качества как практика, так и философа, имея перед собой пример отца и продолжая вековую традицию возвышения Пруссии [3, с. 119–120]. Герье указывает на продуманность мер Фридриха в крестьянском вопросе, финансах, законодательстве, просвещении [3, с. 130–132]. Иосиф II, действовал в Австрии, настолько страдавшей от церковной опеки, что еще его мать Мария-Терезия была вынуждена провести реформы, ослабившие роль католицизма в государстве, причем Герье проводит параллель с

аналогичными реформами в Испании, Италии, Португалии [3, с. 132–136]. Будучи поклонником идей Просвещения не в меньшей степени, чем принципа единовластия, Иосиф II продолжил антиклерикальную политику, хотя и не всегда продуманную. Меры же в области централизации, проводимые директивно и без учета местных особенностей, привели к сопротивлению. Иосиф умер, не успев реализовать свои идеи [3, с. 136–139; 7, с. 104–105].

В. И. Герье, как и В. Рошер, не питал иллюзий в отношении «демократичности» просвещенных монархов. Характеризуя безусловно почитаемого им Петра I, Герье указывает на «три главнейшие черты просвещенного абсолютизма». Во-первых, это «ясное сознание, что власть государя безусловна и самодержавна, и он твердо стоит на этом»; во-вторых, просвещенный абсолютизм безусловен, цель его есть благо государства, а назначение власти – заботиться о благе государства. Наконец, если в основании общества лежит разумное начало, то в стремлении к его торжеству необходимо принуждение, выступавшее у Петра как «принуждение вразумляющее» [3, с. 118–119].

Н. И. Кареев (1850–1931), один из крупнейших российских историков и ученик В. И. Герье, указывает на идею светского государства, выраженную в просвещенном абсолютизме и направленную против конфессиональной политики XVI и XVII веков [5, с. 290]. Кареев отмечает необходимость приспособления абсолютных монархий к новым условиям, что стимулировало переход к политике просвещенного абсолютизма в конкурентной борьбе европейских стран [5, с. 363].

Наличие просветительской риторики в мероприятиях монархов, по мнению Кареева, отнюдь не значило отступления от полноты власти, практика полицейского государства усиливалась. Проводя свои мероприятия, правители заботились лишь о казне, государстве, управлении, а если и делали послабления, например, для крестьян, то лишь в целях сохранить их как налогоплательщиков [5, с. 364].

В практике просвещенного абсолютизма Кареев отличает протестантские и католические страны. В протестантских странах уже произошло освобождение государства от папской власти, секуляризация церковных имуществ и т. д., и у их правителей не было потребности в изменениях в церковной области. Католические же государства были вынуждены, не касаясь сути религии, реформировать отношения между церковью, обществом и государством в той мере, как это делали протестантские страны в эпоху Реформации. Представительницей протестантских стран Кареев называет Пруссию, католических – Австрию. В области религиозной политики Пруссия уже в XVI веке достигла того, к чему Австрия стремилась в конце XVIII века. Сравнивая модели развития обеих стран, Кареев отмечает совершенно различные характеры «короля-философа» Фридриха II и «революционера на троне» Иосифа II. Один был реалист-прагматик, другой идеалист-теоретик; Фридрих сохранил династические традиции Гогенцоллернов, Иосиф пошел вразрез с клерикально-феодальной политикой Габсбургов. Между Иосифом II и Фридрихом II разница

такая же, как между Руссо и Вольтером, бывшими «сердцем» и «головой» XVIII века [6, с. 299–303].

Таким образом, сопоставление трактовок В. И. Герье и Н. И. Кареева, как представителей двух поколений в российской новистике, раскрывает постепенное развитие концептуального видения просвещенного абсолютизма в сторону конструирования не просто нарратива, но и теоретических схем, характеризующих новоевропейскую государственность.

Наконец, ученик Н. И. Кареева П. П. Митрофанов (1873–1917) создал оригинальное исследование, посвященное политике просвещенного абсолютизма Иосифа II [8]. Фундаментальный труд Митрофанова, написанный в традициях позитивистской историографии, с привлечением массива источников и выдерживанием хронологического построения и иерархии рассматриваемой проблематики, пока не превзойден на русском языке. Нужно отметить, что Митрофанов, как и его наставники, не только не идеализирует просвещенный абсолютизм Иосифа II, но и всячески демонстрирует контролируемую, полицейскую и бюрократическую сторону просвещенной монархии. «Все для народа и ничего посредством народа», – такими словами начинает он свою работу. Эта формула, отмечает Митрофанов, была бы совершенно верна, если бы слово «народ» в первом предложении заменить словом «государство» [8, с. 73]. Такая направленность книги Митрофанова станет тем более понятна, если вспомнить социально-политические реалии России начала XX века. Революция 1905–1907 гг., Манифест 17 октября, формальное упразднение российского абсолютизма вызвали не только мощный всплеск исследований, посвященных монархии как на Западе, так и в России, но и оживление либеральных настроений.

Общее отношение Митрофанова к просвещенному абсолютизму исчерпывающе характеризуется в таких словах: «Наступает век “просвещенного абсолютизма”, но название это, быть может, не совсем точно характеризует вновь наступивший порядок: слову “просвещение” отведено здесь слишком много места сравнительно с тем реальным значением, которое оно имело в узко-государственной сфере. Были, конечно, и серьезные попытки применить учение энциклопедистов на деле: в мелких государствах, вроде маркграфства баденского, проводились в этом смысле весьма решительные и бесстрашные эксперименты *in anima vili*, т. е. над безответными подданными... Монархи ласкали философов, льстили им, даже заискивали перед ними... Но эти просвещение могучих властителей, как таковое, и ограничивалось: *raison d'état* безраздельно управлял их политическими действиями, и тот же Фридрих II не дал бы костей и одного померанского гренадера за осуществление прекраснейшей из теорий, ему невыгодной... Такие требования, как веротерпимость, отмена крепостного права, уравнение всех перед законом и перед налогом... мало-помалу стали азбучной истиной для государственных деятелей. Конечно, требования эти создала сама жизнь, но синтезировали и теоретически обосновали их писатели, а осуществили их на практике представители

абсолютной монархии: в этом смысле деспоты второй половины XVIII века воистину были просвещенными» [8, с. 75–76].

Анализируя реформаторскую деятельность Иосифа II, Митрофанов начинает с характеристики его личности, выделяя в ней такие качества, как гордость, эгоцентризм, упрямство, что впоследствии объясняло волюнтаристский характер проводимой политики австрийского императора [8, с. 77–85]. Рассматривая меры Иосифа II, Митрофанов неуклонно придерживается того, что сейчас называют историко-генетическим принципом – он указывает не только на предпосылки реформирования, но и на те реформы, которые уже были реализованы матерью Иосифа – императрицей Марией-Терезией. Освещая административную, военную, финансовую и экономическую, судебную, церковную и образовательную реформы, Митрофанов не ограничивается констатацией проводимых императором мероприятий. Ценным является прослеживание реакции на них на местах, подкрепленное материалом источников.

Монархия австрийских Габсбургов была не только многонациональна и многоконфессиональна, включая территории современных Италии, Бельгии, Чехии, Венгрии, западной Украины, но и различна применительно к сословиям, их политическим амбициям и культуре. Между тем, «абсолютизм, хотя бы и благожелательный абсолютизм Иосифа, был врагом какого бы то ни было самоуправления, какой бы то ни было общественной самодеятельности, а корпоративный принцип противоречил его нивелирующей системе... даже такие невинные союзы, как земледельческие, не нашли милости в его глазах» [8, с. 211–212]. Волнения в Венгрии и Бельгии, ущемленных в своих традиционных правах, расценивались императором с позиций «или подчинить их, или самому погибнуть», «стрелять по сволочи», «казнить негодяев-зачинщиков» и т. д. [8, с. 213]. Неудача административной реформы, очевидно, проистекала от убежденности императора в необходимости унификации управления империей при непонимании и нежелании понять местные национальные, сословные и правовые особенности. Более того, император «хотел из различных народностей, покорных его скипетру, создать единую нацию, одушевленную любовью к общему отечеству, как то было, например, во Франции, королю которой он искренне завидовал» [8, с. 229]. Этот проект выглядит утопией даже в эпоху глобализации XXI века.

Социальная политика Иосифа, несмотря на ее теоретическое обоснование и рационализм, очевидно, опережала свое время – уравнивание сословий в правах и налоговых обязательствах перед государством было нереализуемо в середине XVIII века. Пример Людовика XVI, пытавшегося не уравнивать сословия, а хотя бы добиться более справедливого и рационального налогообложения, казалось, был более чем красноречив для австрийского императора. Требование документального подтверждения дворянства, пополнение рядов чиновничества разночинцами, возможно, имели какое-то значение, но «сразу и вполне разрушить государственный уклад было невозможно. Даже там, где властная рука императора была

поистине владыкой – в сфере государственного управления, дворянство сохраняло фактический перевес над остальными сословиями благодаря тому, что заполняло кадры чиновников» [8, с. 530]. Анализ неудач реформаторской деятельности Иосифа II, искренне желавшего перестроить всю свою империю и фанатично уверенного при этом, что только он знает, что нужно всем подданным и как этого достичь, выглядит весьма поучительно и сегодня, несмотря на кажущуюся пропасть во времени, разделяющую эпохи Просвещения и постиндустриального общества.

П. П. Митрофанов подводит такой итог рассмотрению различных сторон реформаторской деятельности Иосифа II: «И все-таки Иосиф был догматиком и фанатиком – догматиком идеи о государстве и фанатиком общего блага. Здесь у него не было ни колебаний, ни сомнений, ни отступлений, и это увлечение стоило любого другого. Оно-то и заставило его попрасть национальные чувства венгерцев, бельгийцев и поляков, нарушить вольности отдельных провинций, уничтожить привилегии высших классов, стать в обостренные отношения к духовенству, вооружить против себя чиновничество и армию» [8, с. 766–767]. Почему стало возможно формирование и достаточно успешное действие разнородной оппозиции его реформам? Всякое нововведение, объясняет Митрофанов, неизбежно вызывает недовольство и оппозицию, и государство должно быть к этому готово. При этом имеет значение не степень недовольства, а моральные и материальные силы, которыми располагают та и другая сторона, и в противодействии Иосифу II моральное преимущество имели его противники. Они, по образной характеристике Митрофанова, были «сильны оскорбленным национальным чувством, сознанием поправленного и поруганного своего права на привилегии, освященного не только веками и кровью предков, но и положительным законодательством, религиозным своим мировоззрением, которое в течение веков превратилась в святая святых, стремлением своим к свободе, быть может, исключительно и своеобразно понятым, но искренним и неукротимым. Под сенью таких знамен оппозиция смело и не опасаясь ничьих укоров могла выступать на защиту жизненных своих интересов, которым грозило великое умаление: сражаясь *pro patria et libertate*, она билась и за свое имущественное благосостояние, и за свое положение в обществе, и за политическое преобладание [8, с. 766–767]. Митрофанов, выразил одну из центральных идей российской либеральной новистики применительно к абсолютизму: подавляя общественные силы, абсолютизм не только не достиг своих целей, но и погубил их.

Таким образом, рассмотренные трактовки политики просвещенного абсолютизма в работах трех поколений российских исследователей новой истории – В. И. Герье, Н. И. Кареева и П. П. Митрофанова, дают возможность прийти к выводам о значительном влиянии на российскую новистику западноевропейского нарратива и теоретических установок, весьма сдержанном отношении к просвещенному абсолютизму, признанию в первую очередь прагматичных и фискальных интересов верховной власти в

проводимом реформировании и отсутствии идеализации персоналий названной эпохи. В перспективе такое отношение к просвещенному абсолютизму будет усиливаться и достигнет максимума в советской историографии. В данном случае наблюдается оценочная преемственность, объясняемая достаточно просто – и либералы-западники, и марксисты (также западники) к абсолютизму относились весьма сдержанно, как к необходимому злу, которое все же будет ликвидировано буржуазной революцией. В постсоветской же историографии произошла смена революционных ценностей традиционалистскими, абсолютная монархия стала оцениваться с позиций восприятия ее как закономерного и приемлемого этапа развития государственности. Соответственно, и просвещенный абсолютизм ныне воспринимается в целом более положительно, чем в дореволюционной историографии. В частности, не отрицается значимость реформаторской деятельности Иосифа II в области ликвидации крепостного права, секуляризации, судопроизводства, реформирования армии, системы образования, медицины и т.д.

Источники и литература

1. Антипов, В. С. Дореволюционная отечественная историография политики просвещенного абсолютизма в зарубежных странах / В. С. Антипов // Вестн. Псков. гос. ун-та. Сер. : Соц.-гуманитар. науки. – 2011. – № 13. – С. 35–44.
2. Всемирная история : в 6 т. / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщей истории ; [редкол.: А. О. Чубарьян (гл. ред.) и др.]. – М. : Наука, 2013. – Т. 4 : Мир в XVIII веке / отв. ред. С. Я. Карп. – 787 с.
3. Герье, В. И. История XVIII века : лекции, чит. в 1902–1903 гг. / В. И. Герье. – М. : Типо-Литогр. Ю. Венер, 1902. – 525 с.
4. Ешевский, С. В. Сочинения : в 2 ч. / С. В. Ешевский. – М. : Тип. Грачева и К^о, 1870. – Ч. 1. – 576 с.
5. Кареев, Н. И. Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII веков; общая характеристика бюрократического государства и сословного общества «старого порядка» / Н. И. Кареев. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1908. – 452 с.
6. Кареев, Н. И. История Западной Европы в новое время: развитие культурных и социальных отношений: в 3 т. / Н. И. Кареев. – Изд. 5-е. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича. – 1913–1915. – Том 3. История XVIII века / – 1913. – 680 с.
7. Ландина, Л. В. Абсолютизм и абсолютная монархия в российской историографии последней трети XIX – начале XXI в. / Л. В. Ландина ; под науч. ред. В. С. Кошелева. – Минск : Энциклопедикс, 2020. – 816 с.
8. Митрофанов, П. П. Политическая деятельность Иосифа II, его сторонники и ее враги (1780–1790) / П. П. Митрофанов – СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1907. – [2], VI, [2], 784 с.
9. Поор, Я. О понятии просвещенного абсолютизма / Я. Поор // Судьбы двух империй: Российская и Австро-Венгерская монархии в историческом развитии от расцвета до крушения : материалы научной конф., Москва, 31 марта, 4 апр. 2005 г. / [редкол. : Л. П. Колодникова и др.]. – М. : 2006. – С. 69–83.
10. Roscher, W. Umriss zur Naturlehre der drei Staats-formen / Vom Professor Roscher in Göttingen // Allgemeine Zeitschrift für Geschichte. – 1847. – Vol. VII. – P. 436–476.